

Наконец, частица *бы*, служащая теперь для образования условного наклонения, по происхождению является формой 2—3-го л. ед. ч. аориста от *быти* (см. § 211).

Что касается давнопрошедшего времени, то оно в старой форме было утрачено, как видно, к XIII в., что было связано с утратой в древнерусском языке имперфекта, а в новой, но потерявшей связку *есмь*, *еси* и т. д., т. е. в виде бывших двух причастий на -л-, сохраняется и теперь в современных говорах, даже со старым значением: например, *казаки были пошли да опять вернулись*; *земля была высохла да опять промокла*¹. В литературном языке к старому давнопрошедшему времени восходит конструкция прошедшего времени с неизменяемым словом *было*: *пошел было*, *хотел было* и т. п. — это так называемое прерванное прошедшее. По памятникам она отмечается с XVI в.².

Таким образом, из прежних форм прошедшего времени остается один перфект, который на протяжении истории русского языка постепенно становится единственной формой прошедшего времени, впитавшей в себя все значения остальных времен. Однако на истории этой формы следует остановиться особо.

§ 223. История перфекта. Как известно, в состав формы перфекта входила связка от *быти* в настоящем времени и причастие прошедшего времени на -л-. Это причастие в русском языке могло выступать как в краткой, так и в полной форме, причем полные причастия на -л-, утратив связь с глаголами, существуют и теперь в русском языке как прилагательные (ср. *спел* и *спелый*, как *ты смел* и *смелый*, *я устал* и *усталый* и т. д.). И те и другие причастия могли выступать в роли определения, но лишь краткие — в составе именного сказуемого (так же, как краткие прилагательные). В связи с тем, что сказуемое должно иметь категорию лица, в именном сказуемом эта категория выражалась связкой *есмь*, *еси*. В 3-м л. такая связка большей частью не

¹ См. В. И. Чернышев, *Описательные формы времен и наклонений в русском языке* („Труды Института русского языка“ АН СССР, т. 1, 1949).

² Существует (со времен Ф. И. Буслая) предположение, что к остаткам древнерусской формы давнопрошедшего времени относится сказочный зачин *жил-был*, *жили-были* (см., например, П. Я. Черных, *Историческая грамматика русского языка*, 1962, стр. 262), однако это предположение принимается не всеми. См. А. П. Евгеньева, *Сочетание жили-были в сказочном зачине*. Сб. „Памяти акад. Л. В. Щербы“, изд. ЛГУ, 1951, стр. 165 и сл.

употреблялась, так как здесь показателем лица было именно ее отсутствие¹.

Первоначально причастие на *-а-* не осознавалось как особое „время“ глаголов, а было лишь причастием, употребленным в функции сказуемого. Однако постепенно эти причастия все больше и больше стали отрываться от категории причастий как таковых, теряя формы согласования по падежам. Поэтому такие формы, как *ходилъ, ходило, ходили*, стали пониматься как спрягаемые формы глагола *ходить*, как одна из форм прошедшего времени глагола.

В связи с тем, что связка выражала лицо, с развитием личных местоимений и особенно с укреплением их в роли подлежащего роль этой связки стала падать, утрачиваться, что привело постепенно к полному вытеснению связки личными местоимениями: вместо *ходилъ есмь, ходилъ еси* и т. д. начали говорить *я ходил, ты ходил* и т. д.² Таким образом, если в настоящем времени лицо выражается не только местоимением (которое употребляется довольно редко), но и личными окончаниями, то в прошедшем времени именно местоимение выполняет роль показателя лица, именная же по происхождению форма на *-а-* по лицам не изменяется. Согласование причастия на *-а-* с подлежащим по роду сохранилось лишь в единственном числе, тогда как во множественном установилась одна форма для всех трех родов — форма бывшего мужского рода на *-ли*.

Важно помнить, что перфект первоначально обозначал прошедшее результативное, т. е. обозначал состояние в настоящее время как результат прошедшего действия. Таким образом, в перфекте сосуществовала относительность как с прошлым, так и с настоящим временем. Если причастие на *-а-* тянуло перфект к прошедшему времени, то связка *есмь* в то же время, выражая лицо, связывала это прошлое действие с настоящим временем. Иначе говоря, в перфекте наряду с оттенком перфективности, совершенности действия есть и оттенок продолжения действия, т. е. незавершенности. Именно потому, что у перфекта были связи и с совершенным и с несовершенным видом, именно поэтому

¹ Ср. уже в надписи 1068 г. на Тьмутараканском камне: *Гальбъ князь мърилъ море по леду.*

² Утрата связки в 1-м и 2-м л. ед. ч. также наблюдается довольно рано. Ср. в Грамоте Мстислава 1130 г.: *а азъ далъ роукою своею.*

вместе с утратой аориста и имперфекта он, при развитии приставочного глагольного словообразования, смог стать выразителем и совершенного, и несовершенного вида. Таким образом, он стал высшим выражением прошедшего времени вообще, без деления на части по оттенкам прошедшего действия. В этой своей функции прошедшего вообще он вытеснил и формы давнопрошедшего времени¹.

§ 224. История форм будущего времени. В самых ранних памятниках древнерусской письменности выступает аналитическая, или сложная, форма будущего времени. Однако, как видно, первоначально она имела иной характер, чем теперь. Это определялось прежде всего тем, что в древнерусском языке сложное будущее образовывалось с помощью нескольких вспомогательных глаголов, таких, как хотѣти, почати, начати, имати, в сочетании с инфинитивом (типа *хочоу писати, начьною читати* и т. д.). Ср. примеры из памятников письменности: *которымъ князь почьнетъ хотѣти* (Мстислав. грам. 1130 г.), *хочю вы почтити на оутрим* (Лавр. летоп.), *оуже хочемъ померети о(т) глада* (там же), *имоуть чего искати* (Новг. грам. XIII—XIV вв.), *а онъ съ начнетъ запирати* (Русск. Правда) и т. д. Нетрудно заметить, что, во-первых, в числе вспомогательных глаголов, служащих для образования сложной формы будущего времени, нет глагола буду; во-вторых, в приведенных примерах не всегда легко установить, имеет ли то или иное сочетание вспомогательного глагола с инфинитивом действительно лишь значение будущего времени, или вспомогательный глагол вносит в это сочетание какое-то дополнительное значение, так как все они имели свое определенное лексическое значение (желательность, начинательность и т. д.). Поэтому возможно считать, что подобные конструкции являлись не столько формами сложного будущего времени, сколько составными глагольными сказуемыми².

Таким образом, можно говорить, что в начале исторического периода развития русского языка форма сложного будущего времени только еще начинает складываться.

История формы сложного будущего времени в русском языке связана с тем, что в ее образовании начинает принимать участие

¹ См. Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 240—243.

² Точно так же, как это выступает и в современном языке, где *хочу читать* или *начну писать* — формы составного глагольного сказуемого.